

Олег Кудрин

Об одессите Ньюме и екатеринбуржце Науме Лазаревиче

Он родился не в Одессе, а чуть северней – в Бершади. Но места эти для нас не чужие: сколько одесситов носят фамилии тамошних местечек – Бершадские, Липовецкие, Чечельницкие, Теплицкие, Шаргородские, Ямпольские, Томашпольские... Во время войны его семье повезло – они успели эвакуироваться. Жили на Урале. Вернувшись, решили не оставаться в разоренном местечке, а переселиться в Одессу. В школу мальчик пошел уже здесь. Учился в ОГУ. Но так сложилось, что по окончании филфака он вынужден был уехать из любимой Одессы. И обосновался опять же на Урале. В Свердловске/Екатеринбурге Наум Лазаревич Лейдерман воспитал множество учеников, создал свою школу литературоведения. При этом никогда не забывал о родном городе, с особой страстью писал об одесских авторах (смотрите, например, <http://magazines.russ.ru/authors/l/lejderman/>).

23 января 2014 года Лейдерману исполнилось бы 75 лет. Знаю, что в Екатеринбурге отмечали эту дату. Уверен, Одесса и одесситы тоже должны вспомнить об этом замечательном человеке. Прикоснитесь к его духу, витающему в рассказах о нем сына, видного литературоведа Марка Липовецкого (Колорадо), и коллеги, профессора Нины Барковской (Екатеринбург), возглавившей после его ухода «лейдермановскую» кафедру.

Марк Липовецкий: «Отец обожал «считать одесситов»

– Хотя папа с мамой уехали из Одессы в 1962 году (я родился уже в Свердловске в 1964-м), все равно семья оставалась одесской. В Одессе жили практически все родственники, все бабушки.

И каждый год я с братом проводил лето в Одессе. Жили и на улице Баранова, и в Лузановке, и на Манежной... Все это для меня топография знакомая, родная. Так продолжалось примерно до моих 16 лет. А потом родители перевезли обеих бабушек к нам в Свердловск. И мы уже ездили реже: только поженившись, мы с женой в 85-м поехали в Одессу на студенческую конференцию, а потом уже вместе с отцом я ездил на Ахматовскую конференцию во время перестройки, в 1989 году.

Отец, приезжая в Одессу, всегда встречался со своим школьным учителем Виктором Дмитриевичем и его женой, Марком Георгиевичем Соколянским и некоторыми другими сокурсниками и одноклассниками... Он очень гордился, что когда-то жил именно на улице Баранова. Это одно из мест в Одессе, где останавливался Бунин. И отец не раз водил меня «смотреть» к этому дому, когда еще на нем никакой мемориальной доски не было (в 89-м уже была).

Не только в Одессе, но всегда и везде он, безусловно, оставался одесситом, что особенно бросалось в глаза на Урале, где преобладают иные темпераменты и иная манера речи. Когда, например, на лекции (или в любой другой ситуации) отец заводился, у него сразу появлялась одесская интонация.

– Классики, жившие в Одессе, отдельная статья. А кого любил Наум Лазаревич из авторов «одесской школы»?

– У него не было одного любимого автора. Можно сказать, что любимым был тот автор, над которым он работал в данный момент. Отец всегда страшно увлекался биографией, творчеством того, о ком писал, он просто говорил цитатами из произведений этого автора.

Он очень любил Олешу, и глава о нем для университетского учебника о литературе 1920-х годов, который он готовил к печати и который вышел уже после его смерти, – один из последних написанных им текстов. «Зависть» была любимейшей. При этом отец убедительно доказывал, что в этом романе та же система образов, что и в «Трех толстяках». На месте Толстяков – Андрей Бабичев, на месте Суок – Валя (и – убийственная машина Офелия), на месте Просперо и Тибула – Николай Кавалеров и Иван Бабичев. То есть «толстяками» стали бывшие революционеры,

а настоящая революционность принадлежит «лишнему» поэту и скандальному фантазеру. А вот «Ни дня без строчки» отец называл «руинами романа»: считал, что главное в этой книге это постоянные попытки Олеши написать роман и ощутимая невозможность это сделать (то ли в силу алкогольного распада сознания, то ли в силу исторических обстоятельств, а скорее, и того, и другого).

Но все-таки, пожалуй, была у отца одна более сильная постоянная любовь среди одесских авторов. Многие, наверное, удивятся, когда услышат это имя – Валентин Катаев. При всех сложностях его биографии, скверной репутации после негативного отклика о Пастернаке, подписанном письме против Солженицына... Но отец просто обожал Катаева за его мовистскую прозу. Помню, как он анализировал «Траву забвения». На 2-3 листах ватмана нарисовал систему мотивов, образов. Очень сложно выстроенная система, оказывалось, что в этой повести нет ничего случайного. Прекрасная новаторская статья была у отца о «Святом колодце», еще когда, в 73-м году! Многие, прежде всего, значительная часть либеральной интеллигенции, крайне агрессивно встретили «Алмазный мой венец», но отец и к этой вещи относился с симпатией. Для него Катаев был главным наследником одесской школы модернизма, в котором жадная цепкость к плотским деталям (порой переходящая в цинизм) сочеталась с безудержной фантазией, легкостью. Это тот случай, когда художественный текст богаче, умнее автора. Показательно, что о Катаеве и сейчас много дискутируют...

Вообще, знаете... Есть такая привычка, как говорится, «считать евреев». Так вот отец обожал «считать одесситов»: «И Гинзбург наша! И Чуковский наш. И Паустовский тоже наш – первую часть творческой жизни провел в Одессе...». Отец по-особому воспринимал этот город на эмоциональном уровне: особого рода эстетическое пространство, согретое детскими, юношескими воспоминаниями, дружескими связями.

– Кстати, а ваши родители говорили на идиш? Ведь еще совсем недавно это был живой язык.

– Да, отец с мамой между собой иногда говорили на идише. Это был специальный язык для секретов от детей. Мы с братом,

конечно, кое-что постепенно научились понимать, но именно в силу секретности этого языка ничего толком не выучили (кроме особенно популярных в нашей семье ругательств), о чем я сейчас жалею. Отец вспоминал, что со своей бабушкой Миррой, которую он очень любил, они разговаривали только на идише. А с родителями на смеси русского и идиш. Но когда они вернулись из эвакуации и, как я понимаю, некоторое время жили в Бершади (местечко в Винницкой области, где отец родился), там, говорил он, даже дети играли в войнушку на идише.

– Одесскому говору способствует также городской фольклор – одесские песни, анекдоты, байки...

– Из одесских песен отец больше всего любил «Шаланды, полные кефали», то есть, строго говоря, хорошую стилизацию. Дело в том, что любя одесские песни, папа с некоторой брезгливостью относился к блатному или приблатненному фольклору. И максимум, что мог спеть этого рода – «С одесского кичмана сбежали два уркана»... Из репертуара Утесова. Но он действительно очень любил одесские анекдоты, одесский юмор. Как-то, задумавшись, сказал мне: «Я понял, в чем главное свойство одесского юмора». И привел в качестве примера ситуацию, которую он видел своими глазами. В одесском троллейбусе какая-то склока. Все перессорились. Два мужика уже готовы начать драку. Вдруг стоящая рядом бабка говорит им: «Ай, бросьте... Сейчас будет 2-е еврейское кладбище. Там уж и деритесь». Быстрый резкий переход от быта к экзистенциальности – вот что главное.

– Ну, и знаменитая одесская кухня, собравшая все лучшее со столов многих народов...

– О да. И мама на Урале сохранила традиции одесской кухни в блистательной репрезентации. Могу с гордостью сказать, что и моя жена ей наследовала. Любимые блюда – икра из баклажан, фаршированная куриная шейка, мясо с черносливом, а также штрудель, торт наполеон...

– Как часто Наум Лазаревич вспоминал об Одессе, живя так далеко, на Урале?

– Очень часто – разные ситуации, случаи из одесской жизни. Так было всегда. Но в последние годы он говорил о ней *постоянно*. Признаться, меня это даже удивляло: «Ну почему все время

об Одессе?.. Ведь вы же с мамой в Свердловске прожили уже вдвое больше, чем жили в Одессе!».

Часто он вспоминал о школе – у них был любимый учитель Виктор Дмитриевич. Вы, наверное, уже знаете, что папа с мамой учились в отдельных школах. А когда мальчиков и девочек объединили под одной крышей, они с мамой с самого начала сидели за одной партой... Так вот, Виктор Дмитриевич, который, вообще-то, преподавал украинский язык, всех их сумел заинтересовать литературой. Полагаю, эта любовь у отца – от него. И еще в 8-9 классе отец со своим другом Виктором Ковалениным (впоследствии отцом знаменитого переводчика с японского Дмитрия Коваленина) хотел писать книгу... Но какую – не детектив, не приключения. А книгу о Чехове, не о ком-нибудь, а именно о Чехове!

Прозвище у любимого учителя было несколько неожиданное – Буратино. В школе учились во вторую смену. Когда отключался свет (в Одессе это было часто), зажигали керосиновую лампу. И у учительской тени на стене был длинный нос. Но его очень любили. Он гонял с ними в футбол, ходил в походы, вообще, как говорил отец, возился, как с родными. А пацаны, насколько я понимаю, были самые разнообразные, включая и совершенную шпану с криминальным будущим. Но их всех объединяла безотцовщина. Плюс матери, работавшие с утра до вечера. У Наума Лазаревича была, счастливое исключение, полная семья. Но его отец тяжело болел, проводя по полгода в больницах, а мать работала в поселке Коминтерн фармацевтом, откуда приезжала в Одессу только на выходные. Так что о папе, в основном, заботилась бабушка. Вот почему то, что делал для него и его одноклассников Виктор Дмитриевич, было так ценно. И Наум Лазаревич пронес благодарность к нему через всю жизнь. Как я уже говорил, всегда, приезжая в Одессу, мы шли в гости к Виктору Дмитриевичу.

– Наум Лейдерман хорошо учился?

– Да, он получил серебряную медаль, что по тем временам означало только один вступительный экзамен в университет. И папа, поступавший на филологический факультет, его сдал вполне успешно. Но когда дело дошло до зачисления, оказалось, что его не приняли. Тогда папин отец (а он уже был очень болен) взял эту медаль, похвальные грамоты за все десять лет (они тогда

чего-то стоили!) и пошел к ректору. Тот перенаправил его к декану. А тот говорит: «Я не могу принять вашего сына!» – «Почему?» – «У нас тут в этом году так много детей Героев Советского Союза, сынов полка...» Но все-таки похвальные грамоты возымели действие, и отца приняли. И он позже рассказывал: «Учился я с этими «детьми Героев Советского Союза». Конечно, все это оказалось полной туфтой. Декан врал на голубом глазу. Все дело было в государственном антисемитизме – процентной норме на евреев. Позже, по окончании университета, вся эта история повторилась... Но я забегая вперед.

В университете отец со второго курса был комсоргом факультета, и надо сказать, очень любил всю эту работу. Дело было в самый разгар «оттепели» (они с мамой поступили в ОГУ в 1956-м), и отцу казалось, что можно все сделать весело и интересно. Когда я расспрашивал его о том времени, он мне часто говорил: «Нам тогда казалось, что больше не будет сволочей». Комсомольская работа для него означала, прежде всего, «самодетельность». Вместе с ныне известным литературоведом Марком Георгиевичем Соколянским они создали театр студенческих миниатюр. Отец гордился тем, что организовывал настоящие огромные концерты (кто занимался этим, представляет, чего это стоит). Вообще, он вполне мог бы стать продюсером, в нем была эта жилка. Он и в Свердловске устраивал студенческие КВНы, до старости лет с удовольствием играл в скетчах и вообще обожал, когда можно было, как он любил говорить с совершенно особой интонацией, повалить дурака. При этом совершенно не терпел халтуры. Все экспромты, повторял он, должны быть тщательно отрепетированы. Помню, как в детстве решил сделать кукольный спектакль, усадил папу, маму, бабушку и стал разыгрывать, читая текст по книжке. Папа возмутился: «Так ты, что же, наизусть не выучил?». Встал и ушел. Мне было лет 6.

– Такая раскованность, открытость – следствие оттепели?

– Художественная самодеятельность в те годы – элемент самораскрытия общества, политически острые шутки – непременно. В 1958 году отец ездил на целину комиссаром студенческого отряда. Работал, устраивал представления, организовывал кон-

церы. Он, притом, что всегда был яростным антисталинистом, очень дорожил комсомольской молодостью. Но потом сменилось поколение, реальность была уже совсем другая... И папа никогда не мог понять моего ироничного отношения к комсомолу, говорил: «Но это же все можно сделать интересно!».

При этом он был круглым отличником. Диплом «Человек на войне» (центральные персонажи – молодые Юрий Бондарев и Григорий Бакланов) – даже сейчас читается как очень интересная, яркая, темпераментная работа. Но на кафедре отца не оставили, в аспирантуру не позвали, а он хотел заниматься наукой. Единственное, что ему предложили, – быть руководителем студенческого клуба. Он проработал на этой должности год, но это было совсем не то, чем он хотел заниматься. А почему они с мамой уехали именно в Свердловск? Дело в том, что отец по окончании университета размножил свой диплом и разослал его в толстые журналы. И вот пришел ответ из журнала «Урал». Писала ему заведомо критики Нина Андреевна Полозкова. Сказала, что работа интересная, но слишком большая. Если сократить, то они могут напечатать, а пока-де не хотите ли написать для нас рецензию? И он стал писать для «Урала». Кроме того, в Свердловске жил папин дядя с семьей. К тому же, об Урале у отца были теплые воспоминания, поскольку в эвакуацию они жили в Карабаше Челябинской области (в экологическом отношении жутком месте, но отец помнил – и даже написал об этом – теплые камни). Так отец с мамой уехали из Одессы. Из-за процентной нормы.

А в Свердловске они с мамой легко нашли интересные работы. Маму, по образованию химика, сразу взяли в научно-исследовательский институт. Отец практически сразу начал работать преподавателем – сначала в крупнейшем и весьма богатом урал-машевском ПТУ, где между делом написал десяток методичек, затем в СГПИ (ныне УрГПУ), где он одновременно учился в заочной аспирантуре. Параллельно с преподаванием и аспирантурой он интенсивно сотрудничал с журналом «Урал», где появились его первые большие критические статьи, сразу привлечшие к нему внимание. Именно со Свердловском-Екатеринбургом оказалась связана вся научная – и не только! – биография Наума Лазаревича. Здесь он написал две диссертации, более семидесяти книг

и три сотни статей. Именно здесь он в 1982 году создал кафедру современной русской литературы, вокруг которой выросла целая научная школа, был создан ученый совет, под его руководством были написаны и успешно защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций. Здесь родились и мы с братом Ильей – тоже, кстати, доктором наук, только медицинских. В Свердловске-Екатеринбурге отец стал настоящей знаменитостью. Его выступления были повсюду, его постоянно тянули на театральные прогоны, к его мнению прислушивались, его цитировали, на его публичные лекции было не пробиться. Конечно, были и недоброжелатели. Помню, мы с женой учились на филфаке, и когда появилось знаменитое письмо Натана Эйдельмана, укорявшего Виктора Астафьева за антисемитизм, нам рассказывали, как наш преподаватель во время обсуждения этого письма сказал: «Один из московских Лейдерманов написал письмо Астафьеву...» (хотя Астафьева отец как раз очень любил). Поэтому когда отец отнес в «Урал» мою первую критическую статью (мне было семнадцать лет), разумеется, написанную под его руководством, – он предложил: «А давай ты будешь Липовецким. Одного Лейдермана городу вполне достаточно». Липовецкий – это фамилия папиной мамы, и он очень горевал, что она исчезнет. Так я стал Липовецким.

– А во время вашей учебы он вспоминал что-то, так сказать, в педагогических целях?

– Однажды рассказал: пацаны подбрасывали на лестнице паренька. От полноты чувств и для взаимного удовольствия. И не смогли поймать. Тот упал на ступеньки и убился...

– Какой ужас! И какую же мораль извлек Наум Лазаревич из этого случая?

– Ту, что «школа – смертельно опасное место». Когда на ограниченной территории собирается такое количество детей подросткового возраста, может произойти все что угодно. Конечно же, повод для такого рассказа был сильный. Я прошелся – вместе с одноклассниками – из одного окна класса в другое по внешнему (правда, широкому и прочному) карнизу на высоте пятого этажа. Тогда в моем дневнике появилась историческая запись: «Вел себя с опасностью для жизни!», а отец пошел в мою школу читать лекцию о ценности жизни.

– Жизнь и смерть... Как ваш отец относился к этим понятиям? Был ли он верующим?

– Отец не был религиозным человеком. И нас с братом воспитал так же. Он смотрел на религию как историк культуры – как на систему мифов в их трансформациях. Всякая религиозная ритуальность отца раздражала и даже отпугивала. При этом он всем интересовался. Как христианством, так и иудаизмом. Впрочем, лучше всего он знал греческую и римскую мифологию, поскольку многие годы преподавал античную литературу (студенты даже называли его «Зевс-громовержец»). Но в вопросе веры у отца была последовательная и честная позиция: человек должен сам брать на себя ответственность за жизнь и смерть, не перекладывая ее на «высшие силы». Я помню, как, прочитав какого-то из русских религиозных мыслителей начала века, он с разочарованием протянул: «Так это все у него от страха смерти, а я-то думал...». Его такая аргументация не устраивала, его главным мотивом было – успеть сделать как можно больше. Прежде всего – написать все, что задумано. Даже когда у него пошел поток тромбов (от которого он и умер), и его увезли в реанимацию, он, едва придя в себя, попросил маму принести ему блокнот и ручку – ему нужно было записать какую-то новую, только что пришедшую в голову мысль. Мама принесла – но тромбы пошли снова...

Нина Барковская: «Был генератором идей, будто у него моторчик в голове»

– Я познакомилась с Лейдерманом в 1981 году, когда пришла работать в педагогический институт.

До этого я только изредка видела Наума Лазаревича и слышала о нем от мамы, которая преподавала классическую литературу в пединституте. В начале 1980-х гг. еще была единая кафедра литературы. Но вскоре Наум Лазаревич защитил докторскую диссертацию, и в 1985 году по его инициативе была создана кафедра современной русской литературы, которую до сих пор все зовут «лейдермановской».

– Как Лейдерман относился к одесским авторам? Были ли у него «любимчики»?

– Он много писал о Бабеле, о Катаеве. Лекция о Бабеле была блестящая. Да, мне кажется, что его Наум Лазаревич любил больше всех. Но эта любовь не была слепой. Глубокий ученый, Наум Лазаревич не просто восхищался, а анализировал текст, обнаруживая то, что скрыто при поверхностном чтении. «Одесские рассказы», по его мнению, это трагическая история. А то многие привыкли видеть в них легкое чтение, в Бене Крике – весельчака, предшественника Остапа Бендера.

– Какие одесские качества чувствовались в личности Лейдермана?

– Потрясающее жизнелюбие! Он очень многое любил в жизни. Спорт! Прекрасно играл в волейбол, блестяще плавал. А еще любил петь. У него был прекрасный слух. Во время застолий играл роль тамады. И мы под его руководством пели всей кафедрой. Он очень любил романсы. Пел, конечно, и одесские песни. Не скажу, что какие-то особенно редкие. Такие, чтобы все могли подпевать, – «Шаланды, полные кефали», например. Любил и умел рассказывать анекдоты. В том числе одесские, еврейские. В Новый год Лейдерман был у нас лучшим Дедом Морозом, настоящим – с бородой из ваты. И на Дне первокурсника любил выступать. Был остроумен. И когда создавалась кафедра, именно он настоял на том, чтобы назвать ее «...современной русской литературы». А не «...литературы XX века». Сказал: «Зачем? Все равно век скоро кончится...».

– Был ли у Наума Лазаревича южный, одесский акцент?

– Когда читал лекции, делал доклады, акцента не было. Но если хотел – акцент появлялся, он его очень хорошо изображал. А также говорил отдельные слова и фразы на идиш, на украинском. Все к месту, все по ситуации. По человеческому типу он слегка напоминал Жванецкого... Заветная идея Лейдермана – развивать межнациональные контакты, исследовать взаимодействие культур.

Он был всесторонне одаренным человеком. Хорошо рисовал. Однажды на какой-то праздник очень быстро, просто у нас на глазах сделал шаржи на всех членов кафедры. Моментально!

– Какие у него были слабости?

– Любил поесть и других накормить. Говорил: «Вот почему я такой добрый...». А он действительно был добрый. Не добренький, а именно добрый. «...А потому такой добрый, что борща сегодня наварнул». Лиля Иосифовна, его жена, замечательно готовит. У них в семье вообще – потрясающее хлебосоольство.

– А отношение к семье?

– Не знаю, насколько это национальное качество... Но Наум Лазаревич был удивительно семейным человеком. Как он любил жену, детей, внуков... Когда родилась внучка, Наум Лазаревич был так счастлив – чуть не до потолка прыгал. Ведь до этого все мальчики в семье были... Он же с женой был знаком со школы. Она, судя по его рассказам, была круглая отличница, а он не так чтобы хулиган, но и не пай-мальчик. Потом вот они создали семью. И всегда были вместе, воспитали двух замечательных сыновей – докторов наук. Он и кафедру воспринимал как семью, и был по характеру вожаком, даже предводителем.

– Как вам кажется, кто из родственников оказал на него наибольшее влияние в детстве?

– Лейдерман много рассказывал о бабушке. Она только на идиш говорила, по-русски ни слова не знала. Да, удивительно, но о родителях он мало говорил, все – о той бабушке, о ее мудрости... А на праздники Лейдерман никогда не говорил: «Живите богато!», «Живите спокойно!». Нет, всегда желал: «Живите весело!». И сам Наум Лазаревич был генератором идей. Будто какой-то моторчик в голове. Но он же не просто предлагал, он все делал, ходил по инстанциям, пробивал. Сколько после него осталось! И научно-исследовательского центра «Словесник» без Лейдермана тоже никогда бы не было, и журнала «Филологический класс», и ежегодного сборника научных статей, да и кафедры: сейчас больше половины наших преподавателей – его ученики.

– Любил ли Лейдерман природу Урала? Или стремился к морю, в Одессу?

– Во время войны, в эвакуации, Наум Лазаревич с мамой был в Челябинской области, в Карабаше. Если честно, это один из самых индустриальных и экологически грязных городков на Урале. Но даже о нем Наум Лазаревич всегда вспоминал.

Он очень любил природу, в том числе уральскую. Грибы собирать обожал. Но и к морю всегда ездил с радостью. К сожалению, не очень часто получалось. Помню, нам дали профсоюзные путевки в Архипо-Осиповку (побережье Северного Кавказа). Наум Лазаревич замечательно плавал. По дороге с пляжа мог купить домашнего вина, выпить пару стаканчиков. Да, аскетом не был. Странно, но как мне казалось, в Одессу он не очень любил ездить. Слишком большая часть жизни – мужской, человеческой – прошла уже здесь, на Урале. Уральцы – люди не очень ласковые. Их зовут «бурундуками» (не мы сами себя так называем, а со стороны говорят). Потому что очень сдержанные, закрытые люди. А Наум Лазаревич был другим: открытый, доброжелательный – быстро увлекался. Хотя нередко потом разочаровывался.

– **Какие еще привязанности были у него?**

– Настоящий «собачник». Как и я. Принципиальный, убежденный. У него был эрдельтерьер Нора. А кошек не любил. Помню его фразу: «Когда я вижу кошку, мне хочется загнать ее на дерево». Не со зла, конечно, а так – от живости характера.

– **Чувствовалась ли в Лейдермане религиозность?**

– Он всегда говорил: «Я – русский еврей», – делая одинаковое ударение на оба слова. В последние годы Лейдерман интересовался метафизическими вопросами. Любил давать темы для дипломов, связанные с сакральной символикой, но, скорее, надконфессиональной: «В разных местах Земного шара ученые люди думают об одном и том же». У Вернадского есть ноосфера, а Наум Лазаревич употреблял другое слово – «пневмосфера», то есть сфера духа, некое единое ментальное пространство, где идеи «носятся в воздухе».

Статья из готовящейся к печати энциклопедии «Екатеринбург литературный»

Авторы – Н.В. Барковская и Е.К. Созина

Лейдерман Наум Лазаревич (23.01.1939, г. Бершадь Винницк. обл., Украина – 6.09.2010, Екат.), критик, литературовед. Чл. СП СССР (1981). Окончил Одесский гос. ун-т (1961), с 1964 раб. в Сверд. гос. пед. ин-те (с 1994 – Урал. гос. пед. ун-т). Д-р филол. н. (1984), проф., в 1985 г.

возглавил новообразованную каф. сов. лит-ры в УрГПУ (ныне каф. современной русской лит-ры), которой руководил более 20 лет. Под руководством Л. защищено 16 канд. и 4 докт. диссертации. Отличник народного образования (1990), заслуженный деятель науки РФ (2000), академик Межд. академии наук пед. образования (1999), почетный проф. Урал. гос. пед. ун-та (2008). Автор более 300 научных трудов, из них более 70 книг. Печатался в США, Германии, Италии, Польше, Чехии, Болгарии, Украине. Создал функциональную теорию жанра в кн. «Движение времени и законы жанра» (1982) и «Теория жанра» (2010) Л. предложил новую концепцию истории русской лит-ры XX в., которую разработывал с 1980-х гг., но особенно активно начиная с 90-х. Результатом этих исследований стал цикл учебников и монографий. Написанный в соавт. с М.Н. Липовецким двухтомный труд «Современная русская литература. 1950-1990-е гг.» выдержал 6 изд. в центральных изд-вах, является основным учебным пособием для филологических факультетов ун-тов. После смерти Л. вышел подготовленный им к печати 2-тт. учебник по истории русской литературы 1920-х гг. (М., 2012). Выдвинул концепцию «постреализма» («Постреализм: теор. очерк», 2005). С 1962 активно выступал как лит. критик, печатался в «Литературном обозрении», «Вопросах литературы», «Новом мире», «Октябре», «Звезде» и др. лит. ж. Постоянный автор ж. «Урал», дважды (1985, 2004) становился лаур. пр. «Урала» за лучшую лит.-критич. статью. Среди авторов, о которых Н. Л. писал особенно часто: И. Бабель, В. Катаев, Ю. Олеша, О. Мандельштам, В. Шаламов, К. Симонов, Ю. Трифонов, В. Шукшин, А. Солженицын.

